

Концептуализация европейского модерна в социологии Джерарда Деланти*

Елена Масловская

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Социологического института Российской академии наук
Адрес: ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, Российская Федерация 190005
E-mail: ev_maslovskaya@mail.ru

Михаил Масловский

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Социологического института Российской академии наук
Адрес: ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, Российская Федерация 190005
E-mail: maslovski@mail.ru

Социологическая концепция Дж. Деланти анализируется в статье в контексте развития современной социальной теории и исторической социологии. Историю Европы Деланти прослеживает на фоне межцивилизационного взаимодействия, в ходе которого европейские общества испытывали влияние возрожденного античного наследия и различных религиозных традиций. Британский социолог анализирует процесс становления нации-государства, но в то же время выделяет в европейском обществе черты космополитизма, ставшие более заметными к концу XIX столетия. «Краткий XX век» рассматривается Деланти с точки зрения столкновения соперничавших проектов модерна. Период после 1989 года определяется им как новый этап европейской истории, который отличает развитие «постнационального» измерения модерна. Вместе с тем Деланти отмечает усиление кризисных тенденций в процессе европейской интеграции. Такие тенденции выступают выражением противоречий, которые характерны для модерна, в частности между капитализмом и демократией. В ряде работ социолога продемонстрированы возможности использования его теоретического подхода для анализа неевропейских обществ, в том числе стран Латинской Америки, в которых модерн развивался в соответствии с собственной цивилизационной и региональной логикой. С точки зрения авторов статьи, концепция Деланти представляет интерес для сравнительно-исторических исследований социальных процессов, происходивших в российском обществе.

Ключевые слова: Джерард Деланти, историческая социология, межцивилизационное взаимодействие, модерн, европейская интеграция

Концепция множественных модернов сформировалась к концу 1990-х годов и широко обсуждалась в мировой социологии с начала 2000-х годов. Эта концепция нередко отождествляется прежде всего с теоретическим подходом, разработанным

© Масловская Е. В., 2017

© Масловский М. В., 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-395-408

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00805 «Формирование и изменение цивилизационного порядка в современном российском обществе».

Ш. Эйзенштадтом (Eisenstadt, 2000). Вместе с тем в исторической социологии сегодня представлены несколько различных версий концептуализации множественных модернов, предложенных Й. Арнасоном, П. Вагнером, Й. Терборном. В целом сторонники данного направления делают акцент на анализе неевропейских вариантов модерна. Так, Эйзенштадт и Арнасон посвятили отдельные работы цивилизационной динамике и становлению современного общества в Японии, а в последние годы возрос интерес к латиноамериканскому региону (Wagner, 2011, Smith, 2017). Парадоксально, что европейский модерн, который ранее часто рассматривался в качестве образца для других обществ, оказался едва ли не на периферии интереса исследователей, развивающих данную концепцию.

В то же время к анализу европейского общества с позиций концепции множественных модернов обратился Джерард Деланти. Следует отметить, что он не может считаться типичным представителем британской социологии, для которой в целом характерны своего рода «эмпирицистский» уклон и недоверие к абстрактным теориям. При этом Деланти, который является редактором журнала «European Journal of Social Theory», находится в центре актуальных дискуссий и может содействовать распространению новых теоретических построений. К проблеме европейской идентичности британский социолог обращается уже в своей ранней работе «Изобретая Европу: идея, идентичность, реальность» (Delanty, 1995). Разработанная им концепция модерна наиболее полно представлена в книге «Формирование европейского модерна: историческая и политическая социология Европы» (Delanty, 2013). В ряде последующих публикаций он дополняет и конкретизирует основные положения своей концепции. В рамках данной статьи мы сфокусируемся на работах Деланти, вышедших с начала 2010-х годов и посвященных концептуализации европейского модерна, но не на его более ранних трудах по теории космополитизма (Delanty, 2009) и недавнем повороте к проблематике европейского культурного наследия (Delanty, 2017).

Формирование европейского модерна

В своем анализе становления европейского модерна Деланти отчасти опирается на концепцию множественных модернов Ш. Эйзенштадта. Однако более значимым для Деланти оказывается подход Й. Арнасона, который подчеркивает значение межцивилизационного взаимодействия в формировании различных версий модерна (Arnason, 2006). Как отмечают Х. Йоас и В. Кнебль, концепция Арнасона «имеет ярко выраженную трансцивилизационную и транснациональную направленность» (Йоас, Кнебль, 2013: 787). Данная концепция выделяет способность различных цивилизаций к взаимному обучению и заимствованию тех или иных культурных черт. Кроме того, подход Арнасона отличает стремление «вернуть политическую власть» в цивилизационный анализ (Knöbl, 2010: 94). Наряду с Н. Элиасом и Ш. Эйзенштадтом Арнасон расценивается сегодня как один из ве-

дущих теоретиков цивилизационного анализа в исторической социологии (Smith, 2017: 29–49).

На концепцию Деланти повлияли труды П. Вагнера, разработавшего оригинальный вариант теории модерна (Wagner, 2008; Вагнер, 2009). Согласно Вагнеру, возникшую в XIX столетии версию либерального модерна в первой половине XX века сменила система «организованного модерна», которая просуществовала до своего кризиса, начавшегося в 1970-е годы. В дальнейшем ей на смену пришла «расширенная» версия либерального модерна. Следует отметить, что Вагнер подверг критике некоторые положения цивилизационного анализа в версии Эйзенштадта. Признавая определенные преимущества данного подхода применительно к странам Южной и Восточной Азии, Вагнер сомневается в плодотворности его использования для изучения «обществ переселенцев», в частности стран Латинской Америки (Wagner, 2011). При этом Вагнер разрабатывает собственную исследовательскую программу глобальной сравнительно-исторической социологии (Wagner, 2015). Тем не менее, как полагает Деланти, Вагнер не учитывает в полной мере взаимодействие и «переплетение» различных форм модерна (Delanty, 2015a: 27–28).

В работах Деланти история Европы рассматривается в контексте «межцивилизационной констелляции». Как подчеркивает этот социолог, в процессе межцивилизационного взаимодействия европейские общества испытывали влияние возрожденного античного наследия, а также религиозных традиций христианства, иудаизма и ислама. «Европа возникла в результате процесса, в котором участвовали многие культуры, и то, что сложилось в результате, было не общей цивилизацией, но плюралистичной матрицей» (Delanty, 2013: 22). Согласно Деланти, можно говорить о многообразии цивилизаций на самом европейском континенте, на котором в период Средневековья были представлены западная, византийская и исламская цивилизации. Кроме того, следует учитывать трансконтинентальное измерение межцивилизационного взаимодействия. Наконец, сама западная цивилизация отличалась внутренним плюрализмом (Delanty, 2013: 41).

Деланти характеризует становление модерна как процесс культурной и политической трансформации, в ходе которого возникают новые интерпретации социального мира. В эпоху Просвещения с конца XVII по начало XIX века окончательно сложилась «идея Европы», которая включала в себя осознание общей культурной основы при сохранении политического разделения. Рассматривая период от Французской революции 1789 года до Первой мировой войны, Деланти описывает процесс становления нации-государства, но в то же время выделяет в европейском обществе черты космополитизма, ставшие более заметными к концу XIX столетия. С его точки зрения, космополитизм являлся интегральной частью европейского модерна, не менее значимой, чем национализм (Delanty, 2013: 179).

Наряду с этим XIX век был «не только столетием возвышения европейских наций-государств, но и веком империй» (Delanty, 2013: 188). Европу данного периода следует характеризовать как состоящую не столько из отдельных наций-го-

сударств, сколько из «транснациональных государств», связанных между собой, а также и с колонизированными заморскими территориями (Delanty, 2013: 194). В новейших исторических исследованиях отмечается, что строительство наций в Европе не может быть понято без учета имперского контекста. Причем это относится к процессам формирования наций не только на периферии, но и в ядре империй (Berger, Miller, 2015: 30). Данный подход в исторических исследованиях вполне совместим с социологической концепцией множественных модернов.

«Краткий XX век» — с 1917 по 1989 год — анализируется Деланти с точки зрения столкновения соперничавших проектов модерна, а не наций-государств. Социолог выделяет четыре модели модерна: коммунизм, фашизм, либеральную демократию и проект транснациональной Европы. Как подчеркивает Деланти, первые две из указанных моделей потерпели крушение, тогда как две других в большей или меньшей степени преуспели. Однако на протяжении большей части XX века либеральная демократия выступала как одна из конкурирующих форм модерна на европейском континенте, а ее преобладание не было предопределенным и исторически неизбежным (Delanty, 2016a: 411). В целом же все четыре модели «являлись порождением Европы и так или иначе апеллировали к идее Европы; они являлись также по существу продуктом политического модерна, коль скоро они артикулировали социальное воображаемое для создания политической общности на новых основаниях и пересмотра взаимоотношений между индивидом, государством и обществом» (Delanty, 2013: 216).

Страны Центральной и Восточной Европы в наибольшей степени испытали на себе влияние последствий реализации альтернативных проектов модерна (Delanty, 2012). Социокультурная динамика этого региона рассматривалась с позиций концепции множественных модернов, в частности в работах Арнасона (Arnason, 2005; Арнасон, 2011). Последовательную смену различных форм модерна в Центральной и Восточной Европе анализировал также П. Блоккер, который, как и Деланти, опирался на идеи Арнасона и Вагнера. Как отмечает Блоккер, в данном регионе существовало многообразие как соперничавших, так и сменявших друг друга версий модерна. При этом чередовались тенденции к большей открытости либо закрытости по отношению к западному либеральному модерну. С одной стороны, тенденция к открытости проявилась в попытках создания более свободного общества. С другой стороны, противоположная тенденция была реализована в наиболее радикальном виде в фашистских и коммунистических проектах модерна. После крушения коммунистических режимов в указанном регионе сохранялось наследие различных типов модерна (Блоккер, 2009).

В то же время проблема влияния исторического наследия на социально-политические процессы в странах Восточной Европы остается дискуссионной (Kotkin, Beissinger, 2014). В некоторых исследованиях подчеркивается, что посткоммунистические трансформации следует рассматривать как часть длительного исторического процесса демократизации и модернизации на европейском континенте. Кроме того, переосмысление роли исторического и культурного наследия пред-

полагает фокус на «выходящих за рамки национальных границ регионах и более широких „цивилизационных“ идентичностях на макроуровне» (Ekiert, 2015: 335). Но именно такой подход отличает концепцию множественных модернов.

Европейская интеграция и кризис

Первостепенное значение для Деланти имеет либеральный модерн и возникший на его основе проект европейской интеграции. Как указывает британский социолог, этот проект, осуществлявшийся с 1950-х годов, привел к формированию новой модели модерна, хотя данная модель и является продолжением его либеральной версии. Деланти рассматривает также современную ситуацию на европейском континенте в период после 1989 года. Он характеризует его как новый этап европейской истории, который отличает усиление «постнационального» измерения модерна. Одна из задач, стоящих перед Деланти, заключается в поиске оптимальной модели взаимоотношений между носителями различных культур в условиях космополитической демократии, прежде всего в Европейском союзе (Delanty, 2011).

Вместе с тем британский социолог не может не признать тот факт, что в странах Европы космополитическая тенденция сосуществует с противоположными тенденциями, связанными с распространением национализма. Первоначально европейская интеграция основывалась на формировании транснациональных экономических, политических и правовых институтов. При этом проблеме европейской культурной интеграции и формированию общеевропейской идентичности долгое время не уделялось должного внимания (Spohn, 2009: 362). Ядром единой Европы выступали католические и протестантско-католические страны, в которых значительное развитие получили процессы секуляризации. Однако эта ситуация изменилась в результате расширения Европейского союза и включения в него стран Восточной Европы, для которых были характерны иные формы секуляризации и в которых после крушения системы «реального социализма» наблюдались возрождение религии и рост национализма. В то же время выявились сложности с перенесением западноевропейских форм культурной интеграции в страны, недавно вступившие в ЕС либо добивающиеся этого статуса.

Отмечалось, что после расширения Евросоюза происходит скорее рост национального самосознания, особенно в странах Восточной Европы, чем формирование общеевропейской идентичности. Кроме того, в последние годы наметилось усиление кризисных тенденций в процессе европейской интеграции. «Любое описание европейского проекта сегодня должно учитывать реальность глубокого кризиса, возможность крушения проекта европейской интеграции и возникновение нового политического ландшафта, который отличала бы определенная степень фрагментации Европы» (Delanty, 2013: 273). Согласно Деланти, кризисные тенденции выступают выражением тех противоречий, которые характерны для модерна, в частности между капитализмом и демократией.

Проект европейской интеграции неоднократно сталкивался с кризисными ситуациями. Вместе с тем, как полагает Деланти, сегодняшний кризис отличается от всех предшествующих, поскольку существенно изменился экономический, политический и культурный контекст. В результате расширения Евросоюза уже невозможно рассматривать Европу исключительно с точки зрения исторического опыта западноевропейских стран-основательниц. Европа является сегодня более «мультицентричной». При этом мировая ситуация уже не характеризуется безусловным доминированием Запада. «Крупные центры экономической и политической власти существуют сейчас за пределами западного мира, который является лишь одним из центров глобальной власти» (Delanty, 2014: 209).

Кризис начался в условиях большей включенности Европы в глобальные процессы. Как отмечает Деланти, «сегодня стало очевидным, что европейская интеграция захвачена вихрем глобализации и, следовательно, не может определять собственный курс. Это одно из основных отличий от предшествующих периодов интеграции, когда она была в значительной мере движением к транснациональному управлению в рамках относительно ограниченного геополитического порядка» (Delanty, 2014: 209). Кроме того, во многом под воздействием глобальных экономических изменений в Евросоюзе сложилось новое разделение образующих его стран: не только между Западом и Востоком, но и между Севером и Югом. Тем не менее Деланти не считает, что проект европейской интеграции потерпел неудачу.

Обсуждая возможные пути преодоления кризисных черт в интеграционном процессе, Деланти обращается к проблеме общеевропейского исторического наследия. Он задает вопрос о том, как мы сегодня должны оценивать данное наследие. Хотя эта проблема широко обсуждается сегодня в работах историков, в новейших исследованиях, посвященных изменению «темпорального режима модерна», социологические теории служат для них скорее дополнением исторического анализа (Ассман, 2017). В целом Деланти придерживается «транснационального» взгляда на европейское наследие, в рамках которого учитывается взаимосвязь различных национальных историй и, кроме того, эта взаимосвязь встраивается в более широкий глобальный контекст (Delanty, 2017: 130). Как подчеркивает британский социолог, «космополитическая интерпретация европейского наследия начинается с выделения тех аспектов европейской истории и общества, которые дают возможность взаимодействия и диалога. Хотя разнообразие и в особенности признание цивилизационного плюрализма Европы являются частью этого, они не выступают основными особенностями космополитической перспективы. Более важным оказывается взаимосвязь различных исторических традиций, включая отношения между Европой и неевропейскими обществами» (Delanty, 2013: 298–299).

Неевропейские версии модерна

В ряде работ Деланти стремится продемонстрировать возможности своего подхода для анализа неевропейских обществ, в которых модерн развивался в соответствии с собственной цивилизационной и региональной логикой (Delanty, 2015b, 2016b). В данном случае его анализ отчасти перекликается с «неевропейской концептуализацией модерна», осуществленной Н. Музелисом (Mouzelis, 1999). С точки зрения этого социолога, если более ранние теории модерна — от Парсонса до Гидденса — подвергались критике за европоцентризм, то «постколониальные» концепции оказались не в состоянии отличить специфически западные черты современного общества от его универсальных характеристик (Mouzelis, 1999: 142). Однако Деланти удалось избежать крайностей как европоцентризма, так и «процветающего сейчас на академическом рынке принижения всего европейского» (Arnason, 2006: 51), что характерно для «постколониальных» подходов. Британский социолог рассматривает историю Европы во всей ее сложности, в немалой степени обусловленной противоречиями и антиномиями модерна.

Деланти расширяет схему четырех путей к модерну, предложенную Й. Терборном (Therborn, 2003, Терборн, 2015), и выделяет шесть основных типов современного общества: Европа, Новый Свет, постколониальные (Латинская Америка), исламские (Иран), реактивные (Турция, Япония) и альтернативные модерны. По сравнению с Терборном Деланти делает больший акцент на альтернативных типах модерна, которые сформировались, например, в России и Китае и представляют пример «эндогенных имперских традиций, укорененных в неевропейских цивилизациях» (Delanty, 2015b: 43). Однако пример России используется Деланти не столь широко и главным образом в контексте ее взаимодействия с европейскими странами.

Тем не менее вопрос о применимости концепции множественных модернов для изучения российского общества, в особенности советского периода, заслуживает более подробного обсуждения. Среди последователей данной концепции наибольшее внимание этой проблеме уделил Й. Арнасон (Arnason, 1993). Этот социолог подчеркивает, что «исчезнувший тип общества (при всех его губительных недостатках и иррациональности) являлся особым, пусть в конечном итоге и саморазрушительным, вариантом модерна, а не устойчивым отклонением от столбовой дороги модернизации» (Арнасон, 2011: 10). Концепция Арнасона использовалась для объяснения распада советской системы (Sakwa, 2013). Эта концепция, безусловно, повлияла и на характеристику альтернативных моделей модерна, предложенную Деланти. Но следует учитывать, что анализ коммунистической версии модерна и последствий ее распада в работах Деланти является во многом вторичным и не отличается существенной оригинальностью.

Особенности советской системы как формы модерна рассматривались в работах ряда историков. Как отмечает М. Дэвид-Фокс, в исследованиях советской истории в США сложились «модернистское» и «неотрадиционалистское» направ-

ления. При этом представители модернистского подхода «имплицитно» следуют за социологическим анализом множественных модернов (David-Fox, 2006: 538). О значении концепции множественных модернов для осмысления российской и советской истории Дэвид-Фокс вновь напомнил в статье, опубликованной в журнале «Новое литературное обозрение» (Дэвид-Фокс, 2016). В этой работе американский историк особо выделил понятия альтернативных и «переплетенных» (entangled) модернов, ссылаясь не только на исторические исследования, но и на труды социологов — Ш. Эйзенштадта, Й. Терборна, Й. Арнасона. Характерно, что он не упоминает П. Вагнера и Дж. Деланти. Однако следует отметить, что социологический анализ множественных модернов в большинстве случаев с трудом воспринимается историками, а работы Дэвид-Фокса здесь скорее исключение.

Что касается Деланти, особый интерес для него представляет латиноамериканский регион. В частности, Деланти и А. Мота рассматривают динамику модерна в Бразилии (Mota, Delanty, 2015). Признавая основополагающее значение анализа американских версий модерна в работах Эйзенштадта, эти исследователи считают необходимым дополнить и модифицировать предложенный им подход. Как утверждал Эйзенштадт, распространение модерна на американский континент сопровождалось не просто установлением местных вариантов его европейской модели, но формированием принципиально новых институциональных и идеологических паттернов (Eisenstadt, 2002). При этом он подчеркивал различия между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Латинской Америкой — с другой. С точки зрения израильского социолога, социокультурные основания этих двух разновидностей модерна были заложены, соответственно, протестантизмом и католической Контрреформацией. Если протестантизм благоприятствовал распространению идей эгалитаризма, то Контрреформация способствовала сохранению существующих иерархических структур и монополии католической церкви на распоряжение «средствами спасения».

Согласно Деланти и Мота, едва ли возможно характеризовать американские общества как образующие единую цивилизацию в силу различий между Севером и Югом, а также и между отдельными частями Латинской Америки. На протяжении XIX столетия в Бразилии сохранялось противостояние «домодернового колониального общества» и модернистских элементов, которые постепенно получали преобладание. После провозглашения республики в 1889 году наблюдалось дальнейшее усиление черт модерна в сфере политики и культуры. Ярким примером «трансформации европейской идеи» стало формирование «культы позитивизма», который указывал путь к модернистской «республике прогресса», основанной тем не менее на «авторитарном правлении самоназначенной элиты» (Mota, Delanty, 2015: 49).

Вместе с тем Деланти и Мота соглашаются с Эйзенштадтом в вопросе о роли католической церкви в длительном сохранении иерархического социального порядка. Но следует учитывать тот факт, что в ходе «третьей волны» демократизации с середины 1970-х годов две трети из примерно тридцати стран, осуществивших

успешный демократический транзит, были католическими. Подобное развитие событий во многом было следствием политики «аджорнаменто» (обновления католической церкви и ее адаптации к реалиям современного мира), сформулированной на II Ватиканском соборе 1962–1965 годов. В конечном итоге «сакрализация современного дискурса прав человека со стороны церкви явилась важнейшим фактором мобилизации ресурсов католицизма для перехода к демократии» (Casanova, 2011: 262). Это в полной мере проявилось и в ходе демократизации в Бразилии и других странах Латинской Америки.

Как полагают Деланти и Мота, бразильский проект модерна и его осуществление не могут быть в полной мере объяснены с позиций цивилизационной теории Эйзенштадта, поскольку формирование общества модерна в этой стране было во многом обусловлено трансформационными процессами более позднего происхождения, опиравшимися на иные источники. С такой точки зрения ключевое значение имела не столько изначальная культурная программа определенной цивилизации, сколько процессы межкультурного взаимодействия и обусловленные такого рода взаимодействием проекты политических элит. Данный подход может быть использован для сравнительного изучения модернизационной динамики Бразилии и России (Масловский, 2016; Maslovskiy, 2017).

Заключение

В целом теоретический подход, предложенный Деланти, в значительной степени опирается на сложившуюся в исторической социологии концепцию межцивилизационного взаимодействия. Работы этого социолога вносят значительный вклад в дискуссии о множественных модернах, ведущиеся в мировой социальной науке. Но следует учитывать, что концепция множественных модернов в целом остается на уровне общей теории. Эйзенштадт разработал «высокую теорию» в стиле Парсонса, и его подход уязвим для критических замечаний, высказывавшихся в адрес такого рода теоретизирования. Арнасон и Вагнер опирались на иные теоретические источники, предложив собственные версии критической теории модерна, но их работы также отличает абстрактный характер. Существует потребность в создании теорий среднего уровня, в большей степени допускающих эмпирическую проверку теоретических положений. Определенные шаги в этом направлении уже были сделаны, в том числе и в работах Деланти.

Осуществленный Деланти анализ формирования европейского модерна представляет интерес и для сравнительно-исторических исследований социальных процессов, происходивших в российском обществе. В частности, он позволяет по-новому взглянуть на многократно обсуждавшуюся проблему взаимоотношений России и Европы, которая может рассматриваться сквозь призму концепции «переплетенных модернов», когда речь идет об истории XIX столетия, либо в контексте столкновения альтернативных проектов модерна в XX веке. Кроме того, анализ неевропейских версий модерна в работах Деланти, хотя он является не столь под-

робным и во многом вторичным, тем не менее содержит ряд плодотворных идей. В конечном итоге обращение к работам Деланти и таких социологов, как Арнасон, Вагнер, Терборн, должно способствовать формированию нового взгляда на особенности модернизационной динамики российского общества.

Литература

- Арнасон Й. (2011). Коммунизм и модерн // Социологический журнал. № 1. С. 10–35.
- Ассман А. (2017). Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение.
- Блоккер П. (2009). Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы // Новое литературное обозрение. № 6. С. 18–34.
- Вагнер П. (2009). Политическая форма новой Европы. Европа как политическая форма // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 12. № 2. С. 21–57.
- Дэвид-Фокс М. (2016). Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? / Пер. с англ. Т. Пирусской // Новое литературное обозрение. № 4. С. 19–44.
- Йоас Х., Кнебель В. (2013). Социальная теория. Двадцать вводных лекций / Пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. СПб.: Алетея.
- Масловский М. В. (2016). Социокультурная динамика множественных модернов в Бразилии и России // Социологический журнал. № 4. С. 8–24.
- Терборн Й. (2015). Мир: руководство для начинающих / Пер. с англ. Е. М. Горбуновой и Л. Г. Титаренко. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ.
- Arnason J. (1993). *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model*. London: Routledge.
- Arnason J. (2005). Alternating Modernities: The Case of Czechoslovakia // *European Journal of Social Theory*. Vol. 8. № 4. P. 435–452.
- Arnason J. (2006). Understanding Intercivilizational Encounters // *Thesis Eleven*. Vol. 86. № 1. P. 39–53.
- Berger S., Miller A. (2015). Introduction: Building Nations in and with Empires — a Reassessment // *Berger S., Miller A. (eds.). Nationalizing Empires*. Budapest: CEU Press, P. 1–30.
- Casanova J. (2011). Cosmopolitanism, the Clash of Civilizations and Multiple Modernities // *Current Sociology*. Vol. 59. № 2. P. 252–267.
- David-Fox M. (2006). Multiple Modernities versus Neo-Traditionalism // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 54. № 4. P. 535–555.
- Delanty G. (1995). *Inventing Europe: Idea, Identity, Reality*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Delanty G. (2009). *The Cosmopolitan Imagination: The Renewal of Critical Social Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Delanty G.* (2011). Cultural Diversity, Democracy and the Prospects for Cosmopolitanism: A Theory of Cultural Encounters // *British Journal of Sociology*. Vol. 62. № 4. P. 633–656.
- Delanty G.* (2012). The Historical Regions of Europe: Civilizational Backgrounds and Multiple Routes to Modernity // *Historická Sociologie*. № 1–2. P. 9–24.
- Delanty G.* (2013). Formations of European Modernity: A Historical and Political Sociology of Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Delanty G.* (2014). Introduction: Perspectives on Crisis and Critique in Europe Today // *European Journal of Social Theory*. Vol. 17. № 3. P. 207–218.
- Delanty G.* (2015a). Europe and the Emergence of Modernity: The Entanglement of Two Reference Cultures // *International Journal for History, Culture and Modernity*. Vol. 3. № 3. P. 9–34.
- Delanty G.* (2015b). Europe in World Regional Perspective: Formations of Modernity and Major Historical Transformations // *British Journal of Sociology*. Vol. 66. № 3. P. 420–440.
- Delanty G.* (2016a). Multiple Europes, Multiple Modernities: Conceptualizing the Plurality of Europe // *Comparative European Politics*. Vol. 14. № 4. P. 398–416.
- Delanty G.* (2016b). A Transnational World? The Implications of Transnationalism for Comparative Historical Sociology // *Social Imaginaries*. Vol. 2. № 2. P. 17–33.
- Delanty G.* (2017). Entangled Memories: How to Study Europe's Cultural Heritage // *The European Legacy*. Vol. 22. № 2. P. 129–145.
- Eisenstadt S.* (2000). Multiple Modernities // *Daedalus*. Vol. 129. № 1. P. 1–29.
- Eisenstadt S.* (2002). The Civilizations of the Americas: The Crystallization of Distinct Modernities // *Comparative Sociology*. Vol. 1. № 1. P. 43–62.
- Ekiert G.* (2015). Three Generations of Research on Post-Communist Politics — a Sketch // *East European Politics and Societies*. Vol. 29. № 2. P. 323–337.
- Knöbl W.* (2010) Path Dependency and Civilizational Analysis: Methodological Challenges and Theoretical Tasks // *European Journal of Social Theory*. Vol. 13. № 1. P. 83–97.
- Kotkin S., Beissinger M.* (2014). The Historical Legacies of Communism: An Empirical Agenda // *Beissinger M., Kotkin S.* (eds.). *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*. New York: Cambridge University Press, P. 1–27.
- Maslovskiy M.* (2017). Brazil, Russia and the Multiple Modernities Paradigm // *Social Imaginaries*. Vol. 3. № 1. P. 147–165.
- Mota A., Delanty G.* (2015). Eisenstadt, Brasil and the Multiple Modernities Framework: Revisions and Reconsiderations // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 15. № 1. P. 39–57.
- Mouzelis N.* (1999). Modernity: A Non-European Conceptualization // *British Journal of Sociology*. Vol. 50. № 1. P. 141–159.
- Sakwa R.* (2013). The Soviet Collapse: Contradictions and Neo-Modernization // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 4. № 1. P. 65–77.
- Smith J.* (2017). *Debating Civilizations: Interrogating Civilizational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press.

- Spohn W.* (2009). Europeanization, Religion and Collective Identities in an Enlarging Europe: A Multiple Modernities Perspective // *European Journal of Social Theory*. Vol. 12. № 3. P. 358–374.
- Therborn G.* (2003). Entangled Modernities // *European Journal of Social Theory*. Vol. 6. № 3. P. 293–305.
- Wagner P.* (2008). *Modernity as Experience and Interpretation: A New Sociology of Modernity*. Cambridge: Polity.
- Wagner P.* (2011). From Interpretation to Civilization — and back: Analyzing the Trajectories of Non-European Modernities // *European Journal of Social Theory*. Vol. 14. № 1. P. 89–106.
- Wagner P.* (2015). Interpreting the Present — a Research Programme // *Social Imaginaries*. Vol. 1. № 1. P. 105–129.

The Conceptualization of European Modernity in Gerard Delanty's Sociology

Elena Maslovskaya

Doctor of Sociology, Senior Researcher, The Sociological Institute of Russian Academy of Sciences
Address: 7th Krasnoarmeiskaya str., 25/14, Saint Petersburg, Russian Federation 190005
E-mail: ev_maslovskaya@mail.ru

Mikhail Maslovskiy

Doctor of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of Russian Academy of Sciences
Address: 7th Krasnoarmeiskaya str., 25/14, Saint Petersburg, Russian Federation 190005
E-mail: maslovski@mail.ru

In the article, Gerard Delanty's sociology is analyzed in the context of the development of contemporary social theory and historical sociology. Delanty considers European history in the context of inter-civilizational encounters with the legacies of Antiquity and several religious traditions. He discusses the rise of the European nation-states and, at the same time, the growth of cosmopolitan traits which became more conspicuous by the end of the 19th century. He analyzes the "short 20th century" from the viewpoint of a clash of competing projects of modernity. The situation since 1989 is defined by Delanty as a new stage of European history characterized by the strengthening of the post-national dimension of modernity. At the same time, he considers the trends of crises in the European project. These trends represent the contradictions of modernity, particularly between capitalism and democracy. Delanty also demonstrates the possibility of the application of his theoretical approach to other world regions such as Latin America, where different versions of modernity have been formed. The authors believe that Delanty's theory is relevant for comparative-historical studies of social processes in Russian society.

Keywords: Gerard Delanty, historical sociology, inter-civilizational encounters, modernity, European integration

References

- Arnason J. (1993) *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model*, London: Routledge.
- Arnason J. (2005) Alternating Modernities: The Case of Czechoslovakia. *European Journal of Social Theory*, vol. 8, no 4, pp. 435–452.
- Arnason J. (2006) Understanding Intercivilizational Encounters. *Thesis Eleven*, vol. 86, no 1, pp. 39–53.
- Arnason J. (2011) Kommunizm i modern [Communism and Modernity]. *Journal of Sociology*, no 1, pp. 10–35.
- Assmann A. (2017) *Raspalas' svjaz' vremjon? Vzljot i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [The Time is out of Joint? The Rise and Fall of the Temporal Regime of Modernity], Moscow: New Literary Review.
- Berger S., Miller A. (2015) Introduction: Building Nations in and with Empires — a Reassessment. *Nationalizing Empires* (eds. S. Berger, A. Miller), Budapest: CEU Press, pp. 1–30.
- Blokker P. (2009) Stalkivajas' s modernizatsiej: otkrytost' i zakrytost' drugoj Evropy [Confronting Modernization: Openness and Closure of the Other Europe]. *New Literary Observer*, no 6, pp. 18–34.
- Casanova J. (2011) Cosmopolitanism, the Clash of Civilizations and Multiple Modernities. *Current Sociology*, vol. 59, no 2, pp. 252–267.
- David-Fox M. (2006) Multiple Modernities versus Neo-Traditionalism. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 54, no 4, pp. 535–555.
- David-Fox M. (2016) Modernost' v Rossii i SSSR: otsuststvujuschaja, obshchaja, al'ternativnaja ili perepletennaja? [Modernity in Russia and the USSR: Absent, Common, Alternative or Entangled?]. *New Literary Observer*, no 4, pp. 19–44.
- Delanty G. (1995) *Inventing Europe: Idea, Identity, Reality*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Delanty G. (2009) *The Cosmopolitan Imagination: The Renewal of Critical Social Theory*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Delanty G. (2011) Cultural Diversity, Democracy and the Prospects for Cosmopolitanism: A Theory of Cultural Encounters. *British Journal of Sociology*, vol. 62, no 4, pp. 633–656.
- Delanty G. (2012) The Historical Regions of Europe: Civilizational Backgrounds and Multiple Routes to Modernity. *Historická Sociologie*, no 1–2, pp. 9–24.
- Delanty G. (2013) *Formations of European Modernity: A Historical and Political Sociology of Europe*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Delanty G. (2014) Introduction: Perspectives on Crisis and Critique in Europe Today. *European Journal of Social Theory*, vol. 17, no 3, pp. 207–218.
- Delanty G. (2015) Europe and the Emergence of Modernity: The Entanglement of Two Reference Cultures. *International Journal for History, Culture and Modernity*, vol. 3, no 3, pp. 9–34.
- Delanty G. (2015) Europe in World Regional Perspective: Formations of Modernity and Major Historical Transformations. *British Journal of Sociology*, vol. 66, no 3, pp. 420–440.
- Delanty G. (2016). Multiple Europes, Multiple Modernities: Conceptualizing the Plurality of Europe. *Comparative European Politics*, vol. 14, no 4, pp. 398–416.
- Delanty G. (2016) A Transnational World? The Implications of Transnationalism for Comparative Historical Sociology. *Social Imaginaries*, vol. 2, no 2, pp. 17–33.
- Delanty G. (2017) Entangled Memories: How to Study Europe's Cultural Heritage. *European Legacy*, vol. 22, no 2, pp. 129–145.
- Eisenstadt S. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*, vol. 129, no 1, pp. 1–29.
- Eisenstadt S. (2002) The Civilizations of the Americas: The Crystallization of Distinct Modernities. *Comparative Sociology*, vol. 1, no 1, pp. 43–62.
- Ekiert G. (2015) Three Generations of Research on Post-Communist Politics — a Sketch. *East European Politics and Societies*, vol. 29, no 2, pp. 323–337.
- Joas H., Knöbl W. (2013) *Sotsial'naja teorija: dvadtsat' vvodnykh leksij* [Social Theory: Twenty Introductory Lectures], Saint Petersburg: Aleteja.
- Knöbl W. (2010) Path Dependency and Civilizational Analysis: Methodological Challenges and Theoretical Tasks. *European Journal of Social Theory*, vol. 13, no 1, pp. 83–97.

- Kotkin S., Beissinger M. (2014) The Historical Legacies of Communism: An Empirical Agenda. *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe* (eds. M. Beissinger, S. Kotkin), New York: Cambridge University Press, pp. 1–27.
- Maslovskiy M. (2016) Sotsiokul'turnaja dinamika mnozhestvennykh modernov v Brazilii i Rossii [Socio-Cultural Dynamics of Multiple Modernities in Brazil and Russia]. *Sociological Journal*, no 4, pp. 8–24.
- Maslovskiy M. (2017) Brazil, Russia and the Multiple Modernities Paradigm. *Social Imaginaries*, vol. 3, no 1, pp. 147–165.
- Mota A., Delanty G. (2015) Eisenstadt, Brasil and the Multiple Modernities Framework: Revisions and Reconsiderations. *Journal of Classical Sociology*, vol. 15, no 1, pp. 39–57.
- Mouzelis N. (1999) Modernity: A Non-European Conceptualization. *British Journal of Sociology*, vol. 50, no 1, pp. 141–159.
- Sakwa R. (2013) The Soviet Collapse: Contradictions and Neo-Modernization. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 4, no 1, pp. 65–77.
- Smith J. (2017) *Debating Civilizations: Interrogating Civilizational Analysis in a Global Age*, Manchester: Manchester University Press.
- Spohn W. (2009) Europeanization, Religion and Collective Identities in an Enlarging Europe: A Multiple Modernities Perspective. *European Journal of Social Theory*, vol. 12, no 3, pp. 358–374.
- Therborn G. (2003) Entangled Modernities. *European Journal of Social Theory*, vol. 6, no 3, pp. 293–305.
- Therborn G. (2015) *Mir: rukovodstvo dlja nachinajushchikh* [The World: Beginners' Guide], Moscow: HSE Press.
- Wagner P. (2008) *Modernity as Experience and Interpretation: A New Sociology of Modernity*, Cambridge: Polity.
- Wagner P. (2009) Politicheskaja forma novoj Evropy: Evropa kak politicheskaja forma [The Political Form of New Europe: Europe as a Political Form]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 12, no 2, pp. 21–57.
- Wagner P. (2011) From Interpretation to Civilization — and Back: Analyzing the Trajectories of Non-European Modernities. *European Journal of Social Theory*, vol. 14, no 1, pp. 89–106.
- Wagner P. (2015) Interpreting the Present — a Research Programme. *Social Imaginaries*, vol. 1, no 1, pp. 105–129.